

Литературные каноны в СССР

Валерий Вьюгин

Кто написал «Поджигателей» Н. Н. Шпанова?

(ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ЧАСТНОГО СЛУЧАЯ)

Valery Vyugin

Who Wrote Nikolai Shpanov's *Incendiarists*? (General Observations on a Particular Case)

Валерий Вьюгин (ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), ведущий научный сотрудник Отдела теоретико-литературных и междисциплинарных исследований; СПбГУ, доцент кафедры истории русской литературы; доктор филологических наук) valeryvyugin@gmail.com.

Valery Vyugin (Doctor of Philology; Head Research Fellow, Center for Literary Theory and Interdisciplinary Research, Institute of Russian Literature [Pushkin House], Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of the History of Russian Literature, St. Petersburg State University) valeryvyugin@gmail.com

Ключевые слова: советская литература, Николай Шпанов, теория заговора, теория автора

Key words: Soviet literature, Nikolai Shpanov, conspiracy theory, theory of the author.

УДК: 82.0 + 808.1 + 316.7

UDC: 82.0 + 808.1 + 316.7

Статья посвящена истории создания одного из популярнейших для своего времени произведений массовой литературы СССР — «политического» романа Н. Н. Шпанова «Поджигатели» (1949). Проблема рассматривается с привлечением контекста предшествующего творчества писателя и малоизвестных архивных материалов. Отталкиваясь от частного случая, автор работы обращается к вопросу о природе авторства в литературе, создававшейся в условиях тоталитарного режима при Сталине.

This article is dedicated to the history of the creation of one most popular works of mass literature in the USSR of its time: the "political" novel *Incendiarists* by Nikolai Shpanov (1949). The topic is discussed in the context of Shpanov's earlier works and little-known archival documents. Based on this particular case, the article explores the question of the nature of authorship in literature that was created under the conditions of Stalin's totalitarian regime.

Предлагаемая статья посвящена одному из эпизодов истории русской литературы прошлого века, пока еще, кажется, не попавшему в поле зрения исследователей. Как можно судить по названию, речь в ней пойдет о проблеме

авторства, которая время от времени в связи с некоторыми ключевыми произведениями становится до болезненности актуальной. Подозрения в том, что «Слово о Полку Игореве» написано не тем, кто должен бы считаться его создателем, в конечном счете смыкаются с политическим по своей природе вопросом: всегда ли мы говорим об «исконной» или же иногда только о сравнительно новой, «воображаемой» культурной традиции, обусловлено ли наше нынешнее понимание порядка вещей историей или же сама эта история определяется существующим порядком? Прошлое, как известно, часто служит апологией настоящему, и в этом смысле любая полемика о нем, включая искусствоведческую, до известной степени политична. Споры вокруг авторства «Тихого Дона» — если решительно переместиться в недавнюю эпоху — сводятся к несколько другой проблематике, но тоже политической: Шолохов или Крюков? Может ли крупное произведение искусства быть создано персоной, служащей, как в соответствии с такой постановкой вопроса предполагается, тоталитарной власти?

Случай «Поджигателей» Н.Н. Шпанова относится к разряду тех, которые заставляют взглянуть на проблему «советского автора» еще в одном ракурсе: насколько корректно говорить именно об *индивидуальном* авторстве, имея в виду «официальную» советскую литературу, особенно при- или, точнее, под-сталинскую? Разумеется, в подавляющем большинстве советские тексты привязаны к именам конкретных писателей. Но всегда ли это отражает реальную ситуацию? Речь идет не о плагиате, не о псевдонимах и не о тех ситуациях, когда одно лицо делегирует публикацию своего сочинения другому просто потому, что его имя под запретом у издателей. Речь идет о большинстве ясных случаев, когда, казалось бы, вопрос о принадлежности текста просто не имеет смысла задавать.

Попытки осмыслить специфику «советского автора» предпринимались неоднократно, но одна из них особенно важна для предстоящего разговора. Два десятилетия назад Е.А. Добренко в блестящей книге «Формовка советского писателя» детально рассматривал вопрос о подавлении креативной индивидуальности в условиях советской культуры. Согласно Добренко, в конечном счете за писателя писала власть, причем «интериоризированная», воспринимаясь как центральная, главная часть самого себя: «...соцреализм — это не “управляемое искусство” <...>, но *самоуправляемое* <...>: для советского писателя не может быть “проблемы цензуры”, ибо в той мере, в какой цензурирование превращается из составной части “творческого акта” советского писателя во внешнюю <...>, он перестает быть советским писателем в прямом смысле слова...» [Добренко 1999: 12]. «Легион» [Там же: 14], а не индивидуальности, создал литературу, в которой цензура превратилась в самоцензуру, не ощущаемую как помеха или препятствие, — так можно суммировать сказанное выше.

А что если посмотреть на ситуацию по-другому? Что если выбрать одно-го из советских, отнюдь, как считается, не великих, но достигших успеха при Сталине и в этом смысле именно «рутинных» соцреалистических писателей? Например, Н.Н. Шпанова? Посмотреть на него не как на функцию, а как на индивидуальность со своим особым «генезисом», со своей неповторимой личной историей? Насколько в его судьбе отражается формула о проникающей в природу писателя самоцензуры и как конкретно реализуется в его творчестве то самое опосредованное, но все же коллективное присутствие?

Итак, проблема авторства нас будет интересовать прежде всего с чисто технической, поэтической (от слова «поэтика») и текстологической стороны: кого на самом деле можно считать автором объемного текста, опубликованного в 1949 под заголовком «Поджигатели»?

Советский писатель Николай Николаевич Шпанов (1896—1961) до конца 1990-х годов [Фатеев 1999; Кубанев 2000: 365—373; Безгодов 2002] выпадал из поля зрения специалистов. В позднее советское время различимое место ему нашлось, пожалуй, только книге А.Ф. Бритикова о советском научно-фантастическом романе [Бритиков 1970: 170—175]. Несмотря на множасьшие в последнее время обращения к его творчеству [Joon-Sung 2004; Токарев 2006; Прашкевич 2007; Rogachevskii 2009; Бочаров 2016; Colombo 2017; Auclert 2018], хоть сколько-нибудь достаточной литературой о нем мы пока не располагаем. Связанные с его именем архивные дела, даже известные, не изучены (наиболее важные из них до сих пор закрыты)¹. Очень ограниченные сведения о биографии, если не считать разрозненных и трудно поверяемых упоминаний, редких мемуарных фрагментов и дневников современников (см., например: [Прут 2000: 137—138; Паустовский 1986: 165]), можно почерпнуть только из биобиблиографических справочников [Витман, Оськина 1961; Чуваков 1975; Бахтин 1985; Лепехин 2005].

Восполнить эту недостаку хотя бы в небольшой степени позволяет архивная справка, составленная на основе личного дела писателя, хранящегося в фонде Союза писателей СССР в РГАЛИ, и публикуемая ниже как приложение к настоящей статье.

Вместе с тем среди обычных читателей и издателей (например, «Вече») находятся такие, кто (как и ряд исследователей, хоть и по другим мотивам) тоже серьезно озабочен возвращением имени писателя из забвения. Идейной «подложкой» для романов Шпанова «Поджигатели» (1949) и «Заговорщики» (1951) послужила конспирологическая теория об американском заговоре против СССР. Обе книги были изъяты из свободного обращения в 1956 году [Блюм 2003: 198], хотя до этого издавались многотысячными тиражами. Так что их нынешнее возвращение вполне соответствует классической схеме «культурного ресайклинга», подразумевающей три фазы: популярность — забвение — реабилитация.

Первые книги Шпанова были написаны в жанре популярной литературы о технике, и прежде всего о воздушной военной технике, что неудивительно, так как по образованию будущий прозаик был специалистом именно в этой области. Он учился на кораблестроительном отделении Политехнического института в Петрограде, затем в Николаевском инженерном училище, а после революции занимал важные технические должности в Красной армии.

Названия первых книг Шпанова — «Самолет, как средство сообщения» (1925), «Что сулит нам воздух» (1925), «Сердце самолета (Как устроен и работает авиационный двигатель)» (1927) — говорят сами за себя. Шпанов писал не только о самолетах, но преобладают в его сочинениях именно воздушные средства передвижения. В конце 1920-х он участвует в кампании по освоению Арктики и в качестве ее «хроникера» выпускает одну за другой очерковые книги «Полярный поход “Красина”» (1929), «Во льды за “Италией”» (1929), «В страну вечных льдов» (1929), «Край земли» (1930). Уже тогда Шпанов по-

1 Мне было отказано в просмотре таковых в феврале 2020 года.

казал себя довольно плодовитым автором. За пять лет, с 1925-го по 1930 год, он выпустил более тридцати разнохарактерных изданий объемом от пары десятков до двух сотен и более страниц. Ряд текстов частично или целиком повторяли друг друга, но листаж все равно впечатляет. Важно сейчас, что его литературной карьере сопутствовал не громкий, но уверенный успех.

Собственно художественные тексты Шпанов начал публиковать в середине 1920-х годов в журналах «Вокруг света», «Всемирный следопыт», «Самолет» и подобной им не самой весомой периодике. В начале 1930-х появились первые сборники его рассказов («Загадка Арктики» (1930), «Песцы» (1931)), затем отдельными изданиями стали выходить повести («Лед и фрак» (1932)). Просветительские интенции Шпанова выразились в беллетризованных биографиях — «Рождение мотора» (1934), «Четыре такта» (1935), «Джеймс Уатт» (1936), «История одного великого неудачника» (1936).

Эти очень разные нарративы об изобретениях и изобретателях, географических открытиях, пограничных конфликтах и этических столкновениях представителей разных социальных систем объединяет внимание к технике, особенно воздушной, с одной стороны, и к авантюрному сюжету, с другой. Показательно, что в начале своей литературной карьеры Шпанов выступал под псевдонимом К. Краспинк, прозрачно зашифровав бухаринское «красный пинкертон». Перечисленные факты известны, и тавтология оправдана лишь необходимостью соотнести ситуацию вокруг послевоенных «Поджигателей» с тем, что происходило с писателем ранее.

Ранний Шпанов стремится преподнести читателю либо рассказ о достижениях научного прогресса, либо экзотический (нездешний) сюжет, но чаще и то, и другое. Так, рассказ «Загадка Арктики», давший название первому сборнику художественных текстов Шпанова, отчасти документальный, отчасти фантастический. Документальный — поскольку опирается на реальные события: он повествует о полете дирижабля Руаля Амундсена «Норвегия» к Южному полюсу. Фантастический — поскольку основную сюжетную линию в нем составляет история о погружении соратника (согласно рассказу) Амундсена Олафа Ольсена с дирижабля в неожиданно обнаруженный на северном полюсе гигантский водоворот: опустившись в специальной люльке ниже уровня моря, Ольсен в ужасе наблюдает вокруг себя вращение воды и обломков затонувших в Арктике кораблей. Но это не чистая фантастика, поскольку герой в самом конце рассказа неожиданно для читателя просыпается и понимает, что полюса дирижабль еще не достиг. Такое усложнение действия знаково для поэтики Шпанова, и его стоит отметить.

Интерес к конспирологическим (шпионским) сюжетам, как и у многих других советских писателей, проявляется в текстах Шпанова уже в середине 1920-х годов. Из первого сборника в данном отношении показателен рассказ «Номер, который не пройдет» — о провокации на границе, которую, жертвуя своим асом, пытается осуществить враждебное СССР государство, представив дело так, как будто советские летчики злонамеренно проникли в его воздушное пространство (много позже по мотивам этого рассказа был снят фильм «Генерал и маргаритки». Реж. И. Тархнишвили, 1963).

Для дальнейшего, опять-таки, важно не только наличие конспирологической составляющей в этом произведении, но еще и то, что Шпанов вновь почти до самого конца водит читателя за нос, не удосуживаясь, а точнее не желая, разъяснить ему, о чем собственно ведется рассказ. Читатель узнает об этом

не от повествователя, а лишь благодаря анализу предъявленных ему фактов. О «заговоре» догадывается коллега погибшего аса, который и произносит фразу: «Номер не пройдет!» Подразумевается, что он сообщит о своей догадке куда следует, то есть, по логике вещей, в прессу.

На конспирологическом фундаменте построен и другой ранний рассказ Шпанова «Льды и крылья» (1925), согласно сюжету которого некие американские фашисты пробираются на советскую полярную станцию для того, чтобы послать оттуда сигнал о гибели советского парохода «Красная звезда», который «в полтора раза больше "Титаника" и "Лузитании" и может нести колоссальный груз» [Шпанов 1925: 18]. Вредительскую попытку срывают советские зимовщики, но разоблачению преступного замысла предшествует развитие и разрешение еще по крайней мере двух относительно самостоятельных сюжетных линий, что для рассказа в четыре журнальные страницы немало.

У конспирологии Шпанова есть еще одна особенность. В его нарративах практически отсутствует категория «внутреннего врага» в точном смысле слова. Тайный враг проявляет себя в его произведениях попытками проникновения на территорию СССР, причем его инфильтрации обычно пресекаются либо на пограничной, либо на чужой территории. Характерное для середины 1930-х годов отождествление шпиона с оппозиционером, оппозиционера с нарушителем общепринятой морали, а последнего — практически с кем угодно, включая ближайших родственников, не свойственна реальности, которую конструирует Шпанов. Советские люди для него прежде всего цельный коллектив. Если исключения из этого правила встречаются, они остаются именно исключениями.

В ранней прозе Шпанова сосуществуют самые разные топики — северная экзотика, борьба за выживание, плавание подо льдами на фантастическом судне; происходят многочисленные столкновения характеров, причем большей частью в среде представителей капиталистического мира, индивидуалистические устои которого Шпанов с подозрительным энтузиазмом разоблачает. Все это вольно или невольно теснит конспирологическую идею, даже если она и присутствует в тексте. Иными словами, развитие поэтики действия интересует Шпанова не меньше, чем идеология, с которой он, однако, по своему тоже любит играть. В той же повести «Лед и фраки» он, например, делегирует идеологическому противнику право трактовать ленинизм в терминах евразийства, преподнося его в специфическом расово-националистическом ключе. Согласно данной «контрабандной» трактовке, Ленин принадлежит монгольской расе и является хранителем тайных знаний презираемой всеми «породы» китайцев кули. Единственная заслуга пролетарского вождя как идеолога состоит в том, что он предъявил сакральное знание миру в сконденсированном виде. Несложно заметить, что излагаемая врагом СССР доктрина напоминает об устряловском изводе «ленинианы»: «...самый облик его — причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола — подлинно русский, "евразийский"» [Устрялов 1925: 230].

Выстроить разветвленный, многоходовый сюжет, описать фантастические технические новшества, продемонстрировать несовершенство капиталистического мира живописанием конфликтных ситуаций между его представителями — изломанными и подчас даже страдающими людьми, заполнить кое-где промежутки между событиями философско-социальными теориями, преподносимыми как ошибочные или откровенно враждебные, — приблизительно таков рецепт, найденный Шпановым в самом начале карьеры беллетриста.

На этом фоне сделавшая Шпанова знаменитым повесть «Первый удар» (1936—1939), обязанная своим появлением кампании по созданию «оборонной литературы», выглядит несколько инородной. Ее очень простой сюжет сводится к безостановочному движению вперед с целью подавить противника, осмелившегося атаковать СССР. Он вполне раскладывается на несколько подсюжетов, связанных с судьбами разных героев, но все линии развиваются параллельно, не мешая друг другу — не сбивая читателя с толку, а напротив, показывая картину войны с разных точек зрения и на разных участках боевых действий.

Единственное, что мешает автору сохранять постоянный темп в изложении событий, — узнаваемое пристрастие к описаниям техники, ради которой он неоднократно жертвует непрерывностью действия. Что же касается людей, и без того не слишком углублявшийся в психологию Шпанов в «Первом ударе» на нее особенно скуп. Спектр всех возможных переживаний и размышлений его героев выражается формулами-оксюморонами, объединяющими крайности: «Жить хочу, — понимаешь, — но готов умереть» [Шпанов 1939: 9], «Олеся покраснела и громко рассмеялась» [Шпанов 1939: 13]. Занят он большей частью советскими героями, и в отличие от более ранних произведений, представители чужого мира в «Первом ударе» тоже цельны — они прежде всего враги, чей внутренний мир автора не очень заботит, хотя относится он к ним даже с некоторым уважением. По большому счету, от прежней поэтики Шпанова, если говорить о принципах, на которых она основана, в повести остается лишь цельность советского человека и любованье техникой. Иными словами, если продолжить логику наблюдений, в «Первом ударе» перед нами предстает другой автор. По крайней мере — другой имплицитный автор. Этот факт несомненен, поскольку выявляется на основе наблюдений над вполне поддающейся формализации и верификации поэтикой.

Спрашивается: а куда же делась «другая половина» имплицитного Шпанова — автора, азартно интересующегося дисгармоничным капиталистическим окружением, предпочитающего противоречивые и путающие читателя сюжеты, интересующегося философиями и потому подчас нарочито интертекстуального, скрытно цитатного?

Пожалуй, привычней было бы объяснить его исчезновение в терминах творческой эволюции: Шпанов стал другим в силу закона остранения или, говоря иначе, страха повториться в сочетании с внешним импульсом — заказом на апологию и популяризацию войны на территории врага. Но у такой интерпретации есть альтернатива. Что если Шпанов создал текст не один и важную, структурообразующую для литературного произведения миссию выполняло другое лицо? Ведь по логике вещей, конечно только вероятностной, учитывающей ранние писательские интересы и манеру Шпанова, «Первый удар» должен был бы оказаться воплощением лишь части более крупного замысла, лишь одной из сюжетных ветвей, связанной с описанием военных действий, но без обрисовки множества других сопутствующих событий.

Эта дедукция подтверждается документальными свидетельствами. Еще до появления «Первого удара» читатель успел познакомиться с большим отрывком из того же текста (точнее, его вариантом или редакцией), который появился в «Звезде» в 5 номере за 1937 под названием «Двенадцать часов войны»².

2 В 1937 году на тот же сюжет режиссер П.П. Малахов снял принятый тогда весьма радушно фильм «Глубокий рейд» («Гордые соколы») по сценарию Шпанова с собственным в нем, сценарии, участием.

Публикация имела подзаголовок, указывающий на жанр того самого «вычисляемого» на основе поэтических особенностей, произведения: «Из романа». А примечание к нему сообщало:

Полностью роман готовится для альманаха «ГОД XX». Исключительное право перевода и издания романа на иностранных языках во всех странах автор предоставил Литературному Агентству — Москва, Леонтьевский, 24³.

Получается, что внешним структурообразующим фактором в данном случае оказался Вс. Вишневский, обративший на отрывок внимание и продвинувший его в печать как самостоятельную повесть. «Первый удар. Повесть о будущей войне» — именно так назывался текст, появившийся в 1939 году в нескольких разных изданиях. Можно ли рассматривать данный случай как соавторство Вишневого и Шпанова? Пока оставим этот вопрос открытым.

Признание «Первого удара» не сделало карьеру писателя гладкой. До войны Шпанов написал еще одно пространное художественное произведение — роман «Большой парад» (1939(?)—1941), который опубликован не был, но, судя по сохранившемуся большому фрагменту и некоторым другим источникам, с одной стороны, больше походил на его ранние произведения, опирающиеся на интерес к иностранному, экзотическому, заграничному, а с другой — представлял собой нечто вроде претекста «Поджигателей» и «Заговорщиков». Это роман о неудавшемся заговоре немецких генералов против Гитлера, во времени действия относящийся, скорее всего, к 1938 году, и об антифашистской подпольной борьбе в Германии. Произведение должны были начать печатать в 7-8 номере «Красной Нови» за 1941 год [Шпанов 1941], который, судя по всему, не вышел.

Проблема возникла у Шпанова и со следующей вещью — с романом «Тайна профессора Бурого» [Шпанов 1943], но другого характера. «Бурого...» вышел в шести книжных выпусках, подготовленных издательством «Молодая гвардия» в 1943 и 1944 годах, и тут же попал под серьезную критику в связи с его авантюрной закваской [Соловьев 1945; Рысс 1946].

Начинается «Тайна профессора Бурого» как исторический роман, отсылающий к событиям революционного прошлого, с эпизода затопления русского черноморского флота, предотвращающего его захват немцами. Конфликтующими сторонами здесь оказываются служащие на корабле офицеры-заговорщики и действующие по приказу Ленина простые матросы. В результате подрывной деятельности заговорщиков гибнет единственный сочувствующий революционному делу мичман, но сорвать ленинский план так и не удастся.

С переходом к следующей части неожиданно выясняется, что исторические главы — лишь пролог, и действие переносится в настоящее, в лабораторию профессора Бурого, где, помимо самого профессора, с энтузиазмом трудится одна молодая особа. Проблема невидимости, шпионские сети, исчезновение профессора... Всего этого вполне достаточно, чтобы понять, что ранний «имплицитный Шпанов», как и в «Большом параде», вернулся к читателю в своей целостности.

Нашумевший в 1949 году роман Шпанова «Поджигатели» написан в той же полноценной манере, что и «Бурого...» и, как уже говорилось, «Большой парад», а также упоминаемые выше повести и рассказы 1920-х — первой по-

ловины 1930-х годов. В «Бураго...», правда, сильнее развита собственно авантюрно-шпионская линия.

С точки зрения приема и топики в «Поджигателях» есть все, с чем писатель обращался к публике ранее, причем в разросшемся объеме: ветвистый, путающий сюжет, многочисленные морально разложившиеся, а поэтому «объемные» в своем несовершенстве персонажи «с той стороны», «вражеские» доктрины с прототипами, цитатами, аллюзиями, конспирология антиамериканской направленности. Советские люди в нем по-прежнему цельны, а тайный враг, который должен был бы действовать изнутри, обезвреживается при попытке пробраться на советскую территорию.

И все же, как это ни парадоксально в свете изложенных выше соображений, именно история «Поджигателей» дает реальный, подкрепленный документальными фактами, повод усомниться в очевидном, казалось бы, авторстве Шпанова.

11 ноября 1949 года представители Секции прозы союза советских писателей собрались на специальное заседание, чтобы обсудить роман. Заседание вел, судя по стенограмме [Обсуждение 1949]⁴, писатель А.Б. Чаковский, к тому времени, если говорить о наиболее заметных его произведениях, автор дилогии о блокаде «Это было в Ленинграде» (1944—1946) и в том же, 1949 году опубликованного романа «У нас уже утро» (1949) о советском Дальнем Востоке⁵. Среди его участников был И.И. Ермашев⁶ — один из двух специально назначенных издательством редакторов Шпанова; второй его редактор — Б.С. Евгеньев⁷ — во встрече не участвовал. Кроме того, на заседании присутствовали представители издательства и общественности. Всего из тех, что отмечены в стенограмме, тринадцать человек, включая самого писателя.

Стенограмма заседания содержит много любопытной информации. По ней, например, можно судить, насколько силен был интерес читателей к роману Шпанова. Как заметил один из участников дискуссии т. Прут: «Роман выпущен в количестве 30 тыс. экз., но на третий день эту книгу нельзя было купить. Люди есть такие, которые говорят, что достань эту книгу, если она даже будет стоить 120 руб.» (49). Это при том, что напечатанная на обложке цена составляла 24 рубля [Шпанов 1949].

Протокол дискуссии показывает, насколько по-разному относились к роману Шпанова разные категории читателей. Некто т. Ковалевский, например, решительно высказывал явное недовольство авантюрным характером повествования. Вот наиболее показательные выдержки из его выступления:

...Не раскрыто то, что может считаться огромной эпохальной темой — это что такое немецкий народ, почему зверь восторжествовал в стране Гете и величайшей культуры, в стране Маркса и Энгельса? <...> Я считаю, что увлекательная, поверхностная занимательность автора освободила от главного — глубокого осмысливания исторического процесса <...>

4 Машинопись. Далее при ссылках на этот источник в тексте в скобках указывается только номер листа. Особенности орфографии и пунктуации по возможности сохранены.

5 Имена в стенограмме не упоминаются, но, вероятнее всего, это был именно он.

6 Ерухимович (Ермашев) Исаак Израилевич (1903—1964), журналист, политический обозреватель.

7 Борис Сергеевич Евгеньев (1903 — 1984), автор детских книг, редактор издательства «Молодая гвардия».

(С места. Достоевского тоже можно упрекнуть в занимательности!)
(Чаковский: ВНИМАНИЕ!)

По репликам, прерывавшим выступление, легко судить о том, насколько мила была многим читателям именно авантюренность «Поджигателей». Но защищать роман открыто и развернуто оппоненты предпочитали все-таки, избегая его прямых сближений с приключенческой литературой. Так, представитель Военного института иностранных языков т. Пустовойт говорил о «многожанровости»:

т. Ковалевский не прав, говоря такие резкие слова о романе, которые здесь сказал (35). <...> Это документальный роман, а не авантурный. <...> ...Мы должны сказать, что этот роман многожанровый (36).

При этом вне зависимости от того, к какому жанру выступавшие относили роман — к документальному или авантурному, — их выводы никоим образом не соотносились с проблемой соответствия сюжета историческим фактам, некоей типичности, обыденности и в данном смысле «реалистичности». Тот же т. Пустовойт не упустил случая раскритиковать Шпанова за то, что в некоторых моментах его повествование отступает от героической схемы. Последнее касалось, в частности, эпизодов, посвященных лидеру болгарских коммунистов Георгию Димитрову, обвиненному в поджоге Рейхстага в 1933 году, арестованному и находящемуся, согласно сюжету, в предварительном заключении. Пустовойт вспомнил сцену прогулки Димитрова в тюремном дворе, когда не-сгибаемый коммунист пытался ободрить своих товарищей по заключению, громко выкрикивая сообщение о победе коммунистов на местных выборах в Лейпциге. Пустовойт завершает свой пересказ следующим пассажем:

И затем тюремщики начинают толкать в грудь и происходит нечто такое, что не следовало бы нам изображать. Нельзя чтобы настоящий вождь, человек политического, морального и нравственного облика, который запечатлелся в нашей памяти, чтобы он снижался этим примитивным способом борьбы! Неужели Димитров не найдет возможности более действенными средствами передать своим товарищам то, что происходит в мире?

Иными словами, кричать и быть толкаемым в грудь — не самое подобающее занятие для настоящего героя-коммуниста.

Что же касается подходящего обозначения жанра, то оно было в ходе беседы найдено. Как заметил один из участников заседания, т. Тушкан:

...Мы присутствуем на весьма знаменательном событии. Книга Шпанова — это решение и утверждение нового жанра, жанра политического романа... (41)

Прозорливости т. Тушкана можно позавидовать: роман Шпанова «Поджигатели» именно так теперь и квалифицируют — первый отечественный политический роман, справедливо характеризуя его как прообраз романов Ю.С. Семенова.

И все же самым интересным вопросом, который ставит стенограмма, остается вопрос об авторстве. Казалось бы, оно неоспоримо: сам писатель присутствует на обсуждении, именно его хвалят и именно его бранят присутствующие. Стройную картину ломает лишь выступление участвовавшего в редактировании романа И.И. Ермашева, который рассказал следующее:

Очевидно, Вы забыли о том, что на последнем листе книги написаны фамилии двух редакторов? <...>

Над книгой с тов. Евгеньевым мы работали два года. Но я не занимался литературной редакцией романа. Я был приглашен как политический редактор романа. Но, конечно, нельзя сказать, что Б.С. Евгеньев занимался только литературной редактурой, так как это бывает трудно отделить, но в основном у нас так распределялись функции.

Роман поступил к редактору в основном в таком виде, в каком он и издан. Правда, роман был в значительно большем размере (4). Это была рукопись почти в 80 листов и это уже определяло в значительной степени объем работы редакторов. <...>

Сердцевина книги примерно с 3—4 главы второй части и до испанских глав, была сделана автором еще в 1944 году и это был первый вариант книги (5). <...>

...я могу сказать, что автор этого романа писатель Шпанов тут проявил действительность <sic> настоящего большевика. Это трудное дело и неизвестно как примут этот роман! А вдруг не примут! По крайней мере из ряда обсуждений этого романа до того как был утвержден издательством, в некоторых кругах было очевидно, что этот роман вызывает прежде всего страх (6). <...>

Редакторам пришлось решать, что в романе лишнее; автор часто не соглашался, а лишнее было с нашей точки зрения. С тов. Евгеньевым мы нашли общий язык — лишнее было в наложении старого Шпанова, была известная перегрузка приключенческим текстом. Я не против детективности в романе, это хорошая вещь, но здесь приключенческая ткань была слишком велика. Роман начинался с интересного эпизода, происходившего в Монгольской народной республике. Тов. Евгеньев решительно восстал против этого и я в конце концов согласился. <...> Изъятие касалось отдельных неясных положений, не нужных конфликтов и фигур; были в романе неопределенные немцы то-ли антифашисты, то ли мешанские обыватели, которые боролись с гитлеровским (8) режимом. Почти 15—20 листов было изъято, на место изъятого было написано много нового. Автор работал как зверь, в течение отпуска в 1948 г. он написал целую часть испанскую, которая вошла как составная органическая связь. <...> Но надо было сделать одну вещь, надо было определить, где должен был персонифицироваться основной наш враг. Не Гитлер основной враг, а англо-американский блок, американский империализм. Это было дано расплывчато, особенно если еще учесть, что роман писался вначале войны. <...> Фигура Джона Ванденгейма Третьего очень удалась, он олицетворяет американский капитал, Уолл-стрит со всеми его связями, линиями, влиянием, и основную линию на Берлин через всех шрейберов и т.д. Теперь в романе Ванденгейм проходит через все части и это правильно. Не будь этого, роман не имел бы никакого значения, он был бы просто откликом давно минувших дней, а сейчас на первом месте в романе стоит основной враг — американский финансовый капитал, не умаляя при этом роли британской реакции, французской роли, самого германского империализма, который отнюдь не был только орудием в руках англо-американского блока, не был только исполнителем воли Ванденгейма, хотя Ванденгейм в конечном счете диктовал (9). <...>

В романе большое место уделено разведке. Я слышал от некоторых товарищей: все-таки это детектив, неужели можно такую роль отводить разведке? Сидит Кроне в недрах гитлеровского режима и вертит всеми делами, или Роу. Я не думаю, что упрек обоснован. Нам нужно воспитывать народ в том, что опасность разведки еще сильна и опасность еще очень велика, если учесть, что вся империалистическая дипломатия переместилась на эти методы разведки и каждый дипломат-разведчик и каждый орган дипломатический — гнездо разведки. <...> ...эти люди сидят в Москве(13). <...>

...Тов. Шпанову предъявляется много претензий. Я согласен, что в романе есть много страниц, которые отведены Гитлеру и Джону Ванденгейму 3-му. <...> Действительно Советского Союза, как такового, в романе нет. <...> Но что значит изобразить Советский Союз в таком романе, где действие разворачивается за рубежом! (15) <...>

Помимо этих фигур мы имеем плеяды испанских фигур. Испания оживает на страницах этого романа. Было трудно с испанской частью потому, что Шпанов во что бы то ни стало хотел сделать ее несколько трагической и у него была масса смертей и тут мы единый фронт взяли с Борисом Сергеевичем и заставили Шпанова воскрешать людей.

Он убил Матраи....

(т. МАЦКИН. Но ведь Матэ Залка погиб).

Для нас дорога эта фигура, зачем было убивать, пускай живет. Ведь как он погиб? Он погиб в результате предательской диверсии троцкиста Киша; мы решили восстановить. Как было? Он погиб случайно, от случайного осколка. Так в романе показать гибель героя тоже нельзя. Так что же делать с Матраи. То, что не соответствует биографии — это не играет роли, он существует, имеет право на жизнь, он появляется в конце романа и это вполне законно.

Ряд других фигур получил таким образом право жить и вот эта глава испанская стала оптимистической, она потеряла свою трагичность (17). <...>

<...> Сначала в романе Англия был главной, действующей фигурой... (19)

Суммируем откровения редактора. Даже если учесть поправки к рассказу Ермашева, которые сделали его коллеги из издательства (процесс редактирования длился, по их версии, не два года, а семь месяцев), роль редакторов в формировании окончательного текста «Поджигателей» остается крайне существенной. Причем не только объем, не только стиль — целая новая идея американского заговора была, если верить Ермашеву, внедрена в текст Шпанова его доброжелателями. Кроме идеологической сферы и стилистической, редакторы смело вторгались в сюжет: они воскрешали персонажей в угоду героико-оптимистической правде, не считаясь ни с первоначальной авторской волей Шпанова, ни с историческими фактами.

Конечно, Шпанов написал основной массив текста, но принципы, по которым он формировал окончательный текст, изобретались отнюдь не только им или даже скорее не им.

Если же говорить о том, как выразилась эволюция самого Шпанова в ранних вариантах/редакциях «Поджигателей», она, судя по сказанному, сводилась к уходу от конспирологических построений, тем более антиамериканских, в область приключений, авантурных сюжетных линий по типу поэтики «Бурого...», над которым писатель в этот момент трудился. К тому же роман задумывался и писатель начал реализовывать свой замысел тогда, когда американцы публично еще считались союзниками СССР, то есть до появления секретного «Плана мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» в апреле 1947 года [Фатеев 1999: 8; Наджафов 2005: 110—116]. Ермашев сообщает о том, что первые главы романа были написаны еще в 1944 году, и та же дата указана в издании романа 1949 года после текста.

Во второй половине 1947 года советская литература, театр и кино были преклещены на рекламу нового врага СССР в лице США. Одним из ярких литературно-театральных событий, связанных с этим поворотом и совпавших с выходом «Поджигателей», стала публикация сборника антиамериканских пьес

советских писателей «За мир, за демократию!» (1949), специально заказанного по данному случаю [Наджафов 2005: 347]. Вошедшие в него пьесы К.М. Симонова, Н.Е. Вирты, И.Г. Эренбурга, В.Н. Билль-Белоцерковского, братьев Тур, Л.Р. Шейнина и С.В. Михалкова усиленно навязывали театрам. Та же кампания развернулась в кинематографе.

Редакторы Ермашев и Евгеньев, таким образом, если говорить о конспирологии, просто помогли Шпанову разобраться в резко менявшейся обстановке и приспособить материал под новые требования момента. Но так или иначе, возвращаясь к проблеме авторства, их помощь выразилась в кардинальных переделках текста.

Сам Шпанов выступал на заседании только в конце и был скуп на слова, в принципе признав справедливость истории, рассказанной Ермашевым:

Я считаю абсолютно необходимым отметить, что работа над этим романом, как несомненно первым опытом такого рода, над разоблачительным, политическим романом (я не говорю является ли это жанром приключенческим или иным) могла быть доведена до конца только благодаря тому, что мы тесно и дружно работали с редакторами, данными мне издательством (58).

Единственное, что вызвало протест у Шпанова, — замечание одного из присутствующих о том, что его роман стоило выпустить в трех томах, вместо одной толстой книги.

Надо сказать, что история соавторства Шпанова с Ермашевым не ограничивалась единственным эпизодом. Если в случае с «Поджигателями» оно не афишировалось, то в других сотрудничество осуществлялось открыто. Можно назвать по крайней мере два произведения такого рода. В 1954 году Ермашев и Шпанов написали памфлет «Короли и лакеи» (причем в роли одного из внутренних рецензентов выступил Евгеньев), в 1959 году Ермашев и Шпанов написали произведение «Под сводами старого дома». Оба текста были отклонены [Ермашев, Шпанов 1954; 1959].

Вспомним теперь на минуту ситуацию с «Первым ударом» — фрагментом романа, выдернутым из своего контекста и превращенным в самостоятельную повесть.

Высказанное выше предположение о том, что участие редакторов, рецензентов и прочих лиц в судьбе этого успешного произведения писателя было существенным, находит подтверждение не только в анализе его поэтической эволюции. В. Токарев в своей статье о советской военной утопии цитирует несколько архивных источников, свидетельствующих о том, что церемониться с авторскими интенциями в редакциях никто не собирался. «Курировал» тогда Шпанова прежде всего Вс. Вишневский [Токарев 2006: 121–123]. Защищавший своего протеже от категорической критики, он сам предъявил роману целую серию претензий и выдал такое заключение:

Итог. Роман надо срочно чистить, править. Автор должен сделать все поправки. — Пусть т. Вашенцев и т. Исбах прочтут и дадут свои замечания. Взять замечания и у т. Болтина. — Еще раз посоветоваться с летчиком каким-либо. И печатать в № 1 (1939). Вс. Вишневский [Вишневский 1938: 8].

Собственно, Вишневский долгое время был, пожалуй, единственным покровителем Шпанова, который обращался к нему не только по творческим вопро-

сам, но и по житейско-экономическим. Когда Шпанова в 1947 году лишили продлимита после серии неудачных попыток опубликовать хотя бы что-то и после разгромной статьи, осуждающей «Бураго...», он обращался за помощью именно к Вишневскому [Шпанов 1947: 7].

Если же вернуться к «Поджигателям», сложности прохождения романа по издательствам до того, пока он не попал в руки редакторов-доброжелателей, прослежены в работе Рафаэль Оклер [Auclet 2018: 67–71].

Во всех этих мытарствах шпановских текстов главное сейчас то, что на каждом этапе они так или иначе переделывались согласно строгим указаниям редакторов и цензоров или же редакторами собственноручно. Отказать «коллегам» было невозможно, если только не забрать рукопись. Шпанов же, раз за разом стремящийся исполнить волю вышестоящих инстанций, поражает своим упорством в стремлении сохранить свой писательский статус.

* * *

Насколько распространена была подобная практика редактирования рукописей в советских издательствах и какого ранга писателей она затрагивала, по судьбе одного романа и литератора судить, казалось бы, сложно. Но даже если лишь бегло взглянуть на систему прохождения текстов в советских издательствах — с момента предъявления замысла к его воплощению, а от воплощения в печать, — то на каждом из этих и более мелких этапов мы столкнемся с жесточайшим контролем над тем, что писатель делал. «Рутинный» писатель подавал заявку, и ее или принимали, или нет, иногда выдавая аванс за будущее произведение (по типичному для интересующего нас времени договору — 25% из расчета договорного объема труда). Затем он приносил первый вариант в редакцию, текст проходил внутренне рецензирование и снова либо отвергался, либо принимался. Затем текст переделывался и «улучшался», затем коллективно обсуждался, затем его правили редакторы. Что оставалось в результате даже не от «замысла» автора (который замыслом автора-инициатора, по сути, и не был), от самой его писательской индивидуальности, «идентичности»?

Очевидно, что случай «Поджигателей» не был исключительным. Советские писатели вполне отдавали себе отчет в том, что пишут они отнюдь не в творческом одиночестве (см., например: [Артизов 1999: 525]). История Шпанова, вместо которой могла быть и другая, лишь наглядно показывает, как конкретно реализовывалось авторство в «сталинской» литературе. Это не опосредованное деиндивидуализированное *коллективное авторство*, а непосредственное, подразумевающее конкретных исполнителей. Конечно, редакторы и цензоры были изобретены не советской властью, но степень их участия в писательском труде разнится от одной исторической ситуации к другой. Понятие «соцреалистического автора» включает в себя *скрываемое* от публики конкурентное индивидуальное соавторство. Если мы хотим разобраться, кем был автор советского текста, имеет смысл учитывать всех, кто стоял за именем, напечатанным возле заголовка. «Первичный соцреалистический автор» на самом деле поставлял лишь сырой материал, или, пользуясь термином В. Сорокина, «сало», из которого совершенно конкретные лица готовили окончательный «соцреалистический продукт». «Соцреалистического автора» можно перечислить по именам — в этом его принципиальное отличие от растворяющегося в дискурсе автора

«фукольдianского» и «бартовского» (которого, впрочем, никто не отменял — это просто иного уровня абстракция). Типичный поставщик советского «сала» находился в постоянном конфликте с «поварами». «Самоцензура» на практике очень редко выполняла свою функцию по защите оригинального текста от внешнего вмешательства.

Наконец, в заключение, вспоминая о Шолохове. Думается, что и проблему авторства «Тихого Дона» тоже уже давно стоит перевести из плоскости дизъюнкции — или Х, или Шолохов — в плоскость конъюнкции: и..., и..., и...

Архивная справка⁸

В личном деле члена Союза писателей СССР Шпанова Н.Н. имеются следующие биографические сведения.

Николай Николаевич Шпанов родился 22 июня 1896 года в г. Никольске Уссурийском Приморского края. Отец — Шпанов Николай Алексеевич (1871, Петербург — 1936, Ленинград), служащий КВЖД. Мать — Шпанова-Соймонова Анна Михайловна, умерла в 1899 г. Рано потеряв мать, Николай вначале жил у тетки в г. Харбине, учился в местном коммерческом училище, затем переехал к отцу в г. Владивосток, позже в г. Сучан. В 1914 г. окончил гимназию в г. Владивостоке и поступил на кораблестроительное отделение Политехнического института в г. Петрограде. В мае 1915 г. был призван в армию, учился в Николаевском инженерном училище, затем окончил высшую офицерскую воздухоплавательную школу и в октябре 1916 г. <был> отправлен на фронт, где служил в 34-м корпусном воздушном отряде и в 1-м артиллерийском авиаотряде на Западном и Юго-Западном фронтах 1-ой мировой войны. После контузии в 1917 г. был отправлен в госпиталь в Петрограде, в марте 1918 г. демобилизован. В мае 1918 г. Шпанов вступил добровольцем в Красную армию и был назначен командиром технического отряда 4-го Петроградского инженерного батальона (г. Луга), затем помощником комполка по инженерной части 11-ой стрелковой дивизии (там же), в октябре 1918 г. — командиром 5-го воздухоплавательного отряда на Восточном фронте (г. Нижний Новгород). В 1920 г. был назначен начальником учебного отдела автопарка Восточного фронта. В 1921 г. переведен в Москву и назначен начальником летно-технической части Аэрофотограмметрического научно-опытного института (АФНОИ), возглавляемого комбригом А. Н. Лапчинским. Вслед за ним Шпанов в 1922 г. перешел на работу в Военно-научную редакцию Воздушного Флота и вскоре стал редактором ее журнала — вестника. В 1923—1925 гг. работал зам. главного редактора журнала «Самолет», в 1925—1939 гг. — зам. главного редактора журнала «Техника Воздушного флота». По заданиям редакции участвовал в аэросанных пробегах, воздухоплавательных соревнованиях, планерных состязаниях, различных экспедициях. В 1926 г., после участия в тяжелых состязаниях на сферических аэростатах, Шпанов по просьбе журнала «Всемирный следопыт» описал свои приключения, что стало его первым литературным опытом.

8 Справка зарегистрирована в РГАЛИ под № 404 / 1-27 от 27 марта 2020 года, адресована В.Ю. Вьюгину, публикуется с минимальной корректорской правкой. Пользуясь случаем выразить признательность сотрудникам РГАЛИ за помощь в моих разысканиях.

В 1928 г. принимал участие в спасательной экспедиции на ледоколе «Красин» в Арктике, по возвращении написал первую большую книгу «Во льды за “Италией”» (М.: Молодая гвардия, 1929). В 1939 г. был командирован на театр военных действий в районе реки Халхин-Гол. В сентябре 1939 г. перешел на постоянную литературную работу, вступил в Союз писателей СССР. В 1941 г. был призван в армию и направлен в штат газеты «Сталинский Сокол», в 1942—1943 гг. — отв. редактор журнала «Техника Воздушного флота». В 1943 г. был демобилизован и вернулся к литературно-творческой работе. В 1961 г. для работы над новым романом планировал поездку на Кубу, в Индонезию и Исландию. Умер в октябре 1961 года.

Основание: Ф. 631. Оп. 40. Ед. хр. 1709.

Директор О.А. Шашкова.

Библиография / References

- [Артизов 1999] — Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: МФД, 1999.
- (Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia: Dokumenty TsK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoi politike. 1917—1953 gg. / Ed. by A. Artizov and O. Naumov. Moscow, 1999.)
- [Бахтин 1985] — Ленинградские писатели-фронтовики, 1941—1945: Автобиографии, биографии, книги / Авт.-сост. [и авт. предисл.] В. Бахтин. Л.: Советский писатель, 1985.
- (Leningradskie pisateli-frontoviki, 1941—1945: Avtobiografii, biografii, knigi / Ed. by V. Bakhtin. Leningrad, 1985.)
- [Безгодов 2002] — Безгодов М. Николай Николаевич Шпанов [Электронное факсимильное воспроизведение текстов и источниковедческие комментарии. Ведется М. Безгодовым с 2002] // http://publ.lib.ru/ARCHIVES/SH/SHPANOV_Nikolay_Nikolaevich/_Shpanov_N.N..html (дата обращения: 19.12.2019).
- (Bezgodov M. Nikolai Nikolaevich Shpanov [Digital republication of Nikolay Shpanov's works] // http://publ.lib.ru/ARCHIVES/SH/SHPANOV_Nikolay_Nikolaevich/_Shpanov_N.N..html (accessed: 19.12.2019).)
- [Безгодов 2013] — Безгодов М. Примечания [к электронной копии текста «Двенадцать часов войны»] // Звезда. 1937. № 5. ([http://publ.lib.ru/ARCHIVES/SH/SHPANOV_Nikolay_Nikolaevich/Shpanov_N.N._Dvenadcat'_chasov_voiny.\(1937\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/SH/SHPANOV_Nikolay_Nikolaevich/Shpanov_N.N._Dvenadcat'_chasov_voiny.(1937).[pdf].zip) (дата обращения: 15.02.2020)).
- (Bezgodov M. Primechaniiia [k elektronnoi kopii teksta «Dvenadtsat' chasov voyny»] // Zvezda. 1937. № 5. ([http://publ.lib.ru/ARCHIVES/SH/SHPANOV_Nikolay_Nikolaevich/Shpanov_N.N._Dvenadcat'_chasov_voiny.\(1937\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/SH/SHPANOV_Nikolay_Nikolaevich/Shpanov_N.N._Dvenadcat'_chasov_voiny.(1937).[pdf].zip) (accessed: 15.02.2020)).)
- [Блюм 2003] — Блюм А.В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917—1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2003.
- (Blium A.V. Zapreshchennye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov. 1917—1991: Indeks sovetskoi tsenzury s kommentariiami. Saint Petersburg, 2003.)
- [Бочаров 2016] — Бочаров А.А. Из биографии писателя Н.Н. Шпанова // Россия в глобальном мире. 2016. № 8 (31). С. 308—320.
- (Bocharov A.A. Iz biografii pisatel'ia N.N. Shpanova // Rossiia v global'nom mire. 2016. № 8 (31). P. 308—320.)
- [Бритиков 1970] — Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970.
- (Britikov A.F. Russkii sovetskii nauchno-fantasticheskii roman. Leningrad, 1970.)
- [Витман, Оськина 1961] — Советские детские писатели: библиографический словарь (1917—1957) / Ред.-сост. А.М. Витман, Л.Г. Оськина. М.: Детгиз, 1961.
- (Sovetskie detskie pisateli: Biobibliograficheskiy slovar' (1917—1957) / Ed. by A.M. Vitman, L.G. Os'kina. Moscow, 1961.)

- [Вишнеvский 1938] — Вишнеvский В.В. Отзыв на роман Шпанова Н. Н. «Двенадцать часов войны» // РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 4—8.
- (Vishnevskii V.V. Otzyv na roman Shpanova N.N. «Dvenadtsat' chasov voyny» // RGLI. F. 618. Op. 3. Ed. khr. 7. L. 4—8.)
- [Добренко 1999] — Добренко Е.А. Формовка советского писателя: социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999.
- (Dobrenko E.A. Formovka sovetskogo pisatel'ia: sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury. Saint Petersburg, 1999.)
- [Ермашев, Шпанов 1954] — Ермашев И.И., Шпанов Н.Н. Короли и лакеи. Pamфлет // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед. хр. 370.
- (Ermashev I.I., Shpanov N.N. Koroli i lakei. Pamflet // RGLI. F. 1234. Op. 17. Ed. khr. 370.)
- [Ермашев, Шпанов 1959] — Ермашев И.И., Шпанов Н.Н. Под сводами старого дома // РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 18. Ед. хр. 447.
- (Ermashev I.I., Shpanov N.N. Pod svodami starogo doma // RGLI. F. 1234. Op. 18. Ed. khr. 447.)
- [Кубанев 2000] — Кубанев Н.А. Образ Америки в русской литературе (Из истории русско-американских литературных связей конца XIX — первой половины XX в. М.: Арзамас, 2000.
- (Kubanev N.A. Obraz Ameriki v russkoi literature (Iz istorii rusko-amerikanskikh literaturnykh svyazei kontsa XIX — pervoi poloviny XX veka. Moscow, 2000.)
- [Лепехин 2005] — Лепехин М.П. Шпанов Николай Николаевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь / Под ред. Н.Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3. П—Я. С. 752—755).
- (Lepekhin M.P. Shpanov Nikolai Nikolaevich // Russkaia literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: Biobibliograficheskii slovar' / Ed. by N.N. Skatov. Moscow, 2005. Vol. 3. P. 752—755.)
- [Наджафов 2005] — Сталин и космополитизм. 1945—1953: Документы Агитпропа ЦК КПСС / Отв. ред. Д.Г. Наджафов. М.: Международный фонд «Демократия»; Материк, 2005.
- (Stalin i kosmopolitizm. 1945—1953: Dokumenty Agitpropa TsK KPSS / Ed. by D.G. Nadzhafov. Moscow, 2005.)
- [Обсуждение 1949] — Стенограмма заседания секции прозы. Обсуждение романа Н.Н. Шпанова «Поджигатели» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 20. Ед. хр. 51.
- (Stenogramma zasedaniia seksii prozy. Obsuzhdenie romana N.N. Shpanova «Podzhigateli» // RGLI. F. 631. Op. 20. Ed. khr. 51.)
- [Паустовский 1986] — Паустовский К.Г. Собрание сочинений. Т. 9. Письма (1915—1968). М.: Худож. лит-ра, 1986.
- (Paustovskii K.G. Sbranie sochinenii. Vol. 9. Pis'ma (1915—1968). Moscow, 1986.)
- [Прашкевич 2007] — Прашкевич Г.М. Красный сфинкс: история русской фантастики от В.Ф. Одоевского до Бориса Штерна. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2007.
- (Prashkevich G.M. Krasnyi sfinks: istoriia russkoi fantastiki ot V.F. Odoevskogo do Borisa Shterna. Novosibirsk, 2007.)
- [Прут 2000] — Прут И.Л. Мой 20 век: Неподдающийся: О многих других и кое-что о себе. М.: Вагриус, 2000.
- (Prut I.L. Moi 20 vek: Nepoddalushchiisya: O mnogikh drugih i кое-что o sebe. Moscow, 2000.)
- [Рысс 1946] — Рысс Е. Вопросы жанра // Литературная газета. 1946. 16 февраля. № 8. С. 2.
- (Ryss E. Voprosy zhanra // Literaturnaia gazeta. 1946. February 16. № 8. P. 2.)
- [Соловьев 1945] — Соловьев Б. В мире приключений // Знамя. 1945. № 5-6. С. 181—188.
- (Solov'ev B. V mire priklucheniia // Znamia. 1945. № 5-6. P. 181—188.)
- [Токарев 2006] — Токарев В. Советская военная утопия кануна Второй мировой // Европа (Журнал польского института международных дел). 2006. Т. 5. № 1 (18). С. 97—161.
- (Tokarev V. Sovetskaiia voennaia utopiia kanuna vtoroi mirovoi // Evropa (Zhurnal pol'skogo instituta mezhduнародnykh del). 2006. T. 5. № 1 (18). P. 97—161.)
- [Устрялов 1925] — Устрялов Н. Памяти В.И. Ленина // Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1925. (Впервые: «Новости жизни». 24 января 1924 года.)
- (Ustrialov N. Pamiati V.I. Lenina // Ustrialov N. Pod znakom revoliutsii. Kharbin, 1925.)
- [Фатеев 1999] — Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945—1954 гг. М.: ИРИ, 1999.
- (Fateev A.V. Obraz vraga v sovetskoi propagande. 1945—1954 gg. Moscow, 1999.)
- [Чуваков 1975] — Чуваков В. Н. Шпанов // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 8. Стб. 780.
- (Chuvakov V. N. Shpanov // Kratkaiia literaturnaia entsiklopediia. Moscow, 1975. Vol. 8. Stb. 780.)
- [Шпанов 1925] — Шпанов Н. Лыды и крылья // Самолет. 1925. № 1 (15).
- (Shpanov N. L'dy i kryl'ia // Samolet. 1925. № 1 (15).)
- [Шпанов 1939] — Шпанов Н.Н. Первый удар: повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1939.

- (*Shpanov N.N. Pervyi udar: povesti i rasskazy. Moscow, 1939.*)
- [Шпанов 1941] — *Шпанов Н.Н. Большой парад (с приложением рецензии Я. Сурица) // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 247.* (*Shpanov N.N. Bol'shoi parad // RGALI. F. 613. Op. 7. Ed. khr. 247.*)
- [Шпанов 1943] — *Шпанов Н. Тайна профессора Бурого. Вып. 2. М.: Молодая гвардия, 1943.*
- (*Shpanov N. Taina professora Burago. Issue 2. Moscow, 1943.*)
- [Шпанов 1947] — *Шпанов Н.Н. Письмо В.В. Вишневному // РГАЛИ. Ф. 1038 Оп. 2 Ед. хр. 540.*
- (*Shpanov N.N. Pis'mo V.V. Vishnevskomu // RGALI. F. 1038. Op. 2 Ed. khr. 540.*)
- [Шпанов 1949] — *Шпанов Н.Н. Поджигатели. М.: Молодая гвардия, 1949.*
- (*Shpanov N.N. Podzhigateli. Moscow, 1949.*)
- [Auclert 2018] — *Auclert R. Forging the Enemy in Soviet Fiction and Press. 1945—1982. PhD Thesis. Sheffield: University of Sheffield, 2018.*
- [Colombo 2017] — *Colombo D. Nikolai Shpanov and the Evolution of the Soviet Spy Thriller // CALL: Irish Journal for Culture, Arts, Literature and Language: Vol. 2: Issue 1. P. 1—13 (<http://arrow.dit.ie/priamlis/vol2/iss1/6> (accessed: 18.12.2019)).*
- [Joon-Sung 2004] — *Joon-Sung P. Literary Reflections of The Future War: A Study Of Interwar Soviet Literature of Military Anticipation. A Dissertation Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. The University of Michigan, 2004.*
- [Rogachevskii 2009] — *Rogachevskii A. The Cold War Representation of the West in Russian Literature // Cold War Literature: Writing the Global Conflict / Ed. by A. Hammond. London: Routledge, 2009. P. 31—45.*

Примечания

1. Источник текста: В. Вьюгин «Кто написал «Поджигателей» Н. Н. Шпанова»: «Новое литературное обозрение» (НЛО), № 4 (164), 2020, стр. 92-108.
ООО Редакция журнала "Новое литературное обозрение", Москва 2020

2. Стр. 95 «много позже по мотивам этого рассказа был снят фильм «Генерал и маргаритки». Реж. И. Тархнишвили, 1963».

Фильм «Генерал и маргаритки», 1963 г. был снят режиссером Михаилом Чиаурели на студии Грузия-фильм. Сценаристы: А. Филимонов, Н. Шпанов, М. Чиаурели. В числе актеров Бруно Оя, Верико Анджапаридзе, Софико Чиаурели, А. Абрикосов, Н. Боголюбов, В. Дружников, А. Смирнов, Отар Коберидзе и др.

3. Стр. 105 (Архивная справка) «Николай Николаевич Шпанов родился 22 июня 1896 года в г. Никольске-Уссурийском Приморского края.»

Согласно «БСЭ»: «Уссурийск (до 1935 – Никольск-Уссурийский, в 1935–57 – Ворошилов), город, центр Уссурийского района в Приморском крае РСФСР. Расположен на р. Раздольная, в 112 км к С. от Владивостока. Ж.-д. станция на линии Хабаровск – Владивосток, около 145 тыс. жителей (1976). Образован в 1898 слиянием села Никольского с поселком Кетрицево.»

Таким образом Н.Н. Шпанов родился на 2 года раньше образования города.

4. Стр. 105 (Архивная справка) «Рано потеряв мать, Николай вначале жил у тетки в г. Харбине, учился в местном коммерческом училище, затем переехал к отцу в г. Владивосток, позже в г. Сучан.»

О городе Сучан. Согласно БСЭ «Партизанск (до 1972 — Сучан), город краевого подчинения в Приморском крае РСФСР». Расположен примерно в 100 км к востоку от Владивостока.

5. Стр. 105 (Архивная справка) “в 1925—1939 гг. — зам. главного редактора журнала «Техника Воздушного флота»”

Журнал «Техника Воздушного флота» начал выходить с 1927 г. (№1 вышел в июле, №6 — декабрь, см. электронный каталог периодических изданий РНБ (Российской национальной библиотеки, nlr.ru), тогда же Н.Н. Шпанов стал зам. главного редактора. В выходных данных это не указано. В 1933 г. трагически погиб П.И. Баранов (1892-1933. С августа 1923 заместитель, а с декабря 1924 начальник ВВС РККА, одновременно в 1925—31 член РВС СССР. С января 1932 заместитель наркома тяжелой промышленности и начальник Главного управления авиационной промышленности.). В некрологе, напечатанном в ТВФ, указывалось, что журнал был создан по инициативе П.И. Баранова, а Н.Н. Шпанов был приглашен на должность заместителя главного редактора.

Составление примечаний

Максим Безгодов

Санкт-Петербург, 07.10.2020